

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

Страшное будущее в спектакле Ингмара Бергмана «Соната призраков»

*Неувядающая красота. — 2000.
— 23 февр. — с. 7*

НА СЦЕНЕ Стокгольмского королевского драматического театра (Драматен) состоялась премьера Августа Стриндберга «Сонаты призраков» в постановке Ингмара Бергмана. Это четвертое обращение режиссера к пьесе. И вторая ее постановка на сцене Драматена.

Пронизывающая музыка Бартока: из крошечной черноты сцены появляются кинопроекции двух домов. На их фоне вдруг рассыпаются все персонажи пьесы — как групповая карикатура. Они исчезнут так же внезапно, как появились. Бергман подчеркивает *ненастоящность*, карикатурность персонажей — обитателей домов с красивым фасадом и затхлым интерьером. Режиссер сплетает воедино эту карикатурность и символизм, конкретные типаж и бесплотные призраки.

Студент, уставший от подвигов, бредет домой. По дороге он встретит свою судьбу — старца, прикованного к инвалидному креслу и цепляющегося за жизнь окровавленными руками. То ли следы былых преступлений, то ли «цитата» из биографии автора. (В момент написания пьесы у

Стриндберга обострился псориаз и кровоточили руки.)

Прошлые и будущее причудливо переплелись в пьесе и спектакле. Студент видит призрак молочницы — она персонаж из темного прошлого старца, директора Хуммеля. Директор Хуммель (Ян Мальмшё) предвидит будущее студента: Фрекен с мертвыми, закатившимися глазами, у которой и вовсе будущего нет. Будущее у Бергмана страшнее, чем у Стриндберга. У Стриндберга Фрекен — прекрасна, но больна, у Бергмана — больна и отвратительна. Она плоть от плоти своих родителей — Мумии и своего настоящего отца Директора Хуммеля. Фрекен (Элин Клинга) похожа на ящерицу, разбуженную солнцем. Она не знает, что ей делать, куда бежать. Энергии и любви студента недостаточно, чтобы согреть ее холодную кровь. Она обречена. Безобразные предсмертные судороги, рубаха в крови, ширма

смерти — и все! Ее юность так же некрасива, как старость ее матери, Мумии, сидящей в гардеробе и кричащей попугаем. Красота только в камне, в совершенных линиях статуи — портрет Мумии в молодости. Лишь раз Мумия (Гуннель Линдблум) забудет про птичью пластику, и голос ее зазвучит уверенно, без попугайских интонаций. Она произнесет приговор Хуммелю, окончательный и бесповоротный.

Директор Хуммель — скупщик чужих векселей, тайн и душ, лысенький монстр с воспаленными глазами, плохо держащийся на больных ногах. Он комичен и страшен, величествен, неуязвим и жалок одновременно. Он придумал и срежиссировал этот бал мертвецов. Он же стал его первой жертвой. Владельца чужих тайн погубили его собственные. Оползанный слугой Бенгтсоном, Хуммель тает на глазах, теряет свою мистическую власть. Бенгтсон (Эрланд Йозефсон) —

единственный живой характер во всем спектакле. (Исполнителем роли студента Юнасу Мальмшё не хватает мастерства и красок, чтобы не слиться с рядом призраков. Молодые актеры Элин Клинга и Юнас Мальмшё сильно уступают своим старшим коллегам. Виртуозности и яркости старших противостоит, к сожалению, бесцветность и схематичность младших.)

В этой версии пьесы Бергман беспощаден практически ко всем персонажам. Он раздевает их в прямом и переносном смысле, срывает маски, накладные волосы или вставные зубы. У кого что есть. В спектакле нет и намека на ту поэтичность, которая заложена в тексте. В пьесе Стриндберга мудрое созерцание и ожидание покоя, в спектакле — ужас бытия и суэта. У Стриндберга в финале «музыка, тихая, нежно-печальная», у Бергмана — тревожность Бартока.

■ Стокгольм